

УДК 130.2

DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-1-74-83

**СИСТЕМНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЕДИНСТВА
ДУХОВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА****SYSTEM BASIS OF UNITY OF SPIRITUALS HUMAN NEEDS****Н.В. Поддубный, А.А. Трунов**
N.V. Poddubny, A.A. TrunovБелгородский университет кооперации экономики и права,
Россия, 308023, Белгород, ул. Садовая, 116аBelgorod University of Cooperation of Economics and Law,
116a Sadovaya St., Belgorod, 308023, Russia

E-mail: 13kid89@mail.ru; trunovv2013@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется взаимосвязь основных духовных потребностей человека (эстетической, нравственной и познавательной) с позиций синергетики и философской антропологии. Показана системная природа эстетической потребности человека. Доказывается, что именно она является ядром всей духовной сферы человека. Это положение иллюстрируется исследованием взглядов И. Канта на сущность прекрасного, а также характеристикой феномена идеологии.

Abstract

The article analyzes the interrelation of the basic spiritual needs of man (aesthetic, moral and cognitive) from the positions of synergetics and philosophical anthropology. The systemic nature of a person's aesthetic need is shown. It is proved that it is the core of the whole spiritual sphere of the individual. This position is illustrated by an analysis of Kant's views on the essence of the beautiful, and also by the characteristic of the phenomenon of ideology.

Ключевые слова: синергетика, философия, антропология, самоорганизация, система, устойчивость системы, потребности, эстетика, гносеология, И. Кант, идеология.

Keywords: synergetics, philosophy, anthropology, self-organization, system, system stability, needs, aesthetics, gnoseology, I. Kant, ideology.

Введение

Стремительно развивающиеся процессы научного познания предполагают параллельное создание единого теоретического и методологического фундамента для более полной интеграции научного знания. В последние десятилетия, наряду с философией, такой базой становится синергетика, которая занимается построением полноценной научной теории самоорганизующихся систем. Идеи, выдвигаемые нелинейной термодинамикой, теориями фракталов, хаососложности, неравновесной самоорганизации, объединяются под общим обозначением синергетики. Она позволяет перекинуть своеобразный «мост» между естественными, гуманитарными и социальными науками [2, 10, 18]. В данной статье мы намерены с позиций синергетики проанализировать базовые духовные потребности человека в их единстве на основе концепции самоорганизации. Это позволит не только адекватно осмыслить столь «тонкую» сферу действительности как духовная, но и поместить ее в современную научную картину мира за счет обсуждения таких традиционных для философской антропологии категорий, как эстетическая, этическая и познавательная потребности человека. В контексте нашего анализа мы попытаемся раскрыть системные основания взаимосвязи эстетической потребности с нравственной и познавательной. При этом мы попытаемся доказать, что именно эстети-

ческая потребность является ядром всей духовной сферы человека. Для этого мы обратимся к анализу взглядов И. Канта на сущность прекрасного, а также к характеристике феномена идеологии сквозь призму эстетики. Однако прежде мы кратко обозначим основные положения развиваемой нами концепции самоорганизации применительно к родовой сущности человека.

Системно-антропологические предпосылки самоорганизации

Человек функционирует и развивается в соответствии с общими системными закономерностями, которые определяются системообразующим фактором. Сущность системообразующего фактора заключается в стремлении системы к максимальной устойчивости в конкретных условиях существования, что выражается в оптимальном режиме ее функционирования, то есть с минимальными энергетическими затратами. Максимальная устойчивость системы является конечной целью ее существования и развития, а на языке синергетики – ее аттрактором. Эта же цель определяет закономерности и структуру взаимосвязей всех элементов системы, а также системы как целого с ее элементами. Упорядоченность всех взаимосвязей осуществляется ядерным элементом системы, в котором сосредоточена основная информация о системе и который является ее опредмеченной сущностью. Максимальная устойчивость системы есть отражение гармонии ее внутренних связей. Максимальная устойчивость человека с этих же позиций означает максимальное удовлетворение его материальных и духовных потребностей, а «влечение» к этому состоянию есть системообразующий фактор жизнедеятельности человека. Следовательно, стремление к максимальной устойчивости есть главная потребность человека как самоорганизующейся системы. Другие потребности человека являются способами удовлетворения и проявления этой ядерной потребности в конкретных условиях жизнедеятельности.

Эстетическая потребность человека

На наш взгляд, именно эстетическая потребность отражает функционирование человека как самоорганизующейся системы в оптимальном режиме, то есть находящемся в наиболее гармоничном состоянии в соответствии с требованиями системообразующего фактора. В этом заключаются не только системная сущность эстетической потребности, но и ее универсальный характер, которую можно проследить на многочисленных примерах движения человеческой мысли от абстрактного к конкретному, как последовательной конкретизации первоначального общего представления и приближения его к реальности, данной нам в ощущениях. «Когда поэт находит точное слово, предчувствуемое читателями на основе ранее сказанного, – отмечает в этой связи Г.А. Голицын, – здесь также эстетический эффект достигается за счет конкретизации, уменьшения неопределенности, сведения множества возможных вариантов к одному. Основой эстетического воздействия многих литературных приемов (эпитет, сравнение, перечисление деталей) является достигаемая с их помощью конкретизация представления» [7, с. 58]. Красота мысли действительно спасает мир, умиряет и творчески преобразуя клубящийся хаос.

Теперь остановимся на связи эстетической потребности с нравственной и познавательной. Сама возможность такой связи и, что мы и попытаемся доказать, единство сущностей, природы этих потребностей является характерным подтверждением развиваемой нами концепции.

Универсальность эстетической потребности отражает всеобщность принципа гармонического построения мира, его преобразования по законам красоты. Поэтому в эстетической потребности находит непосредственное отражение системообразующий фактор, стремление человека как самоорганизующейся системы к оптимальному, гармоническому (с минимальными затратами энергии) функционированию. Через непосредственное отражение системообразующего фактора универсальность эстетической потребности проявляется в том, что она входит сущностным, идеальным началом во все человеческие потребности, которые в ней находят свое преломление и удовлетворение которых способствует гармонизации существо-

вания человека как самоорганизующейся системы. На этом же эстетическом основании строились и все основные парадигмы классического гуманитарного образования, которые сформировались в эпоху Античности, Средневековья и Ренессанса [19]. Да и сам термин «образование», имеет как минимум два исходных значения. С одной стороны, это *воплощение образа*, который есть своего рода образец, идеал, эталон, желаемая цель. С другой стороны, это творение и возделывание, «лепка из праха», приведение человека к его истинной форме. Синергия этих значений приводит «не только к формированию полноценной личности, но и к обретению ею превосходных степеней достоинства» [19, с. 27].

Эстетическое отношение является универсальной характеристикой особой общественной ценности всего, что входит в сферу человеческой жизнедеятельности и осуществляет всеобщую гармонизацию природы и общества [9]. Эстетическое чувство – это ощущение гармонии окружающего мира, а так как человек сам является высшим продуктом гармонического развития, то он по сравнению с животными обладает большими возможностями постигать гармонию мира. Человек является своеобразным «камертоном» этой гармонии. Великий немецкий мыслитель И. Кант полагал, что «лишь то, что имеет цель своего существования в самом себе, лишь человек, который способен сам определять посредством разума свои цели или, если он должен брать их из внешнего восприятия, все-таки может сопоставить их с существенными, всеобщими целями, а затем судить об этом сопоставлении с ними эстетически, – только человек, следовательно, способен быть идеалом красоты, так же как человечество в его лице в качестве интеллигенции единственно среди всех предметов мира способно быть идеалом совершенства» [11, с. 102]. В современной науке это обозначается термином «антропный принцип».

Связь между нравственной и эстетической ценностями достаточно очевидна. Существует внутреннее единство между критериями нравственной и эстетической ценностями. Сущностью нравственной ценности являются гармоничные отношения между людьми, которые позволяли бы в максимальной степени оптимальное функционирование общества как целого, а, следовательно, и его частей – индивидов, социальных групп, то есть критерием нравственности на системном языке является системообразующий фактор общества и личности как самоорганизующихся систем. Этот же критерий лежит и в основе эстетической ценности. Однако она в отличие от нравственной распространяет его не только на человеческие отношения, но и на отношения с предметами и явлениями окружающего мира. Л.Н. Столович справедливо отмечал, что свобода является как бы «субстанцией» и эстетических, и нравственных ценностей, «образуя тем самым их единство» [24, с. 155]. Это единство обуславливает то, что полнота этического и эстетического соответствуют друг другу, то есть доброе чаще всего мыслится как прекрасное, а злое – как безобразное. Свободное поведение и развитие как отдельного человека, так и общества в целом означает их оптимальный режим функционирования.

Эстетическая ценность с необходимостью включает в себя и нравственную. Поэтому эстетическая оценка целостного социального явления не может быть истинной, если она противоречит этической сущности этого явления. Красивым не может быть безнравственный поступок. Нравственная ценность поступка выступает содержанием в эстетической оценке его, а внешнее поведение – той формой, которая может в различной степени быть эстетичной. Поэтому и здесь могут иметь место конфликт между эстетикой формы и ее содержанием. Например, внешне красивый поступок совершенный внешне красивым человеком, но по содержанию может быть абсолютно безнравственен. Само эстетическое в нравственном поведении выступает как его сущность, высший идеал. В этом и заключается смысл высказывания А.М.Горького о том, что «эстетика – этика будущего» [8, с. 252]. В наше время, когда стирается граница красотой и уродством, между добром и злом, верхом и низом, эти слова писателя звучат особенно актуально.

Еще более очевидна связь эстетической потребности с познавательной. Многочисленные работы по экспериментальной эстетике свидетельствуют о том, что предмет и явление обладают эстетическим свойством, только благодаря определенной соотношенности с закономерностями человеческого восприятия, что позволяет воспринимать их с минимальными

усилиями. «Именно искусство, – писал великий немецкий философ Г.В.Ф. Гегель, – доводит до сознания истину в виде чувственного образа, и притом такого чувственного образа, который в самом своем явлении имеет высший, более глубокий смысл и значение. Искусство, однако, не стремится постичь посредством этого чувственного воплощения понятие как такое, понятие в его всеобщности, ибо как раз единство этого понятия с индивидуальным явлением и составляет сущность прекрасного и его художественного воспроизведения» [5, с. 109-110].

Поскольку человеческое творчество, опирающееся на законы природы, представляет собой творчество «по законам красоты», то и чувство красоты играет большую роль в познании природных закономерностей. «Отсюда выявление природных закономерностей в научных формулах, – развивал эту мысль Л.Н. Столович, – должно обладать эстетическим значением как свидетельство творческого характера самого научного познания» [24, с. 107].

О соотношении красоты и пользы в научной деятельности выдающийся французский математик А. Пуанкаре говорил следующее: «поиски прекрасного приводят нас к тому же выбору, что и поиски полезного; и совершенно таким же образом экономия мысли и экономия труда <...> являются источниками как красоты, так и практической пользы» [20, с. 379]. Физик А.Б. Мигдал в свою очередь отметил, что важнейшим критерием истинности в современном естествознании является красота теории, существенным признаком которой служит богатство и значительность заключений при минимальном числе правдоподобных предположений [17, с. 7].

В основе единства эстетической и познавательной потребностей также лежит системообразующий фактор, а физиологической основой этого единства являются кинестетические ощущения, идущие от мышц, которые сопровождают работу всех органов чувств и мыслительные операции. Даже абстрактное мышление всегда сопровождается миокинетическими движениями речедвигательного аппарата. Именно кинестетические ощущения («мышечное чувство») лежат в основе как взаимодействия чувств, так и мыслительных ассоциаций, «синестетического мышления».

Исследования М.М. Кольцовой, в частности, показали, что сущность понятия на физиологическом уровне отражается в величине кинестетического ощущения [12]. Цепочки ассоциаций, принимая «наверху» интеллектуальный характер, пронизывают все ступени художественного восприятия по вертикали так, что действие синестетического механизма может проникать до самых ее крайних звеньев с вынесением продуктов межчувственного ассоциирования на «свет» сознания – в конечный результат художественного восприятия. «Синестетическое мышление с помощью комбинирующей функции эмоций организует их в системную целостность, что позволяет говорить уже о синестетическом образе» [4, с. 128], в котором может отражаться и сходство явлений, и сходство отношений, оценочных реакций. Кинестетические ощущения отражают удовлетворение или неудовлетворение духовных потребностей человека, то есть его системообразующий фактор.

Эстетическая ценность входит в нравственную и познавательную потребности как их идеальное выражение. В этом специфика эстетической потребности, ее универсальная природа, значение которой заключается в том, что предметы и явления окружающего мира, имеющие удовлетворяющие эстетическую потребность свойства, выступают во всей своей целостности, во всем богатстве и разнообразии своих общих и частных характеристик, внутренних и внешних, формальных и существенных связей. Предметы и явления в эстетическом восприятии предстают перед человеком как гармоническое целое, в котором отражено диалектическое единство составляющих их частей.

Представления о прекрасном: аргументация И. Канта

Мы полагаем, что именно эстетическая потребность является ядром основных составляющих духовной сферы человека – познавательной и нравственной потребностей. Они есть особенное эстетической потребности. В этом контексте характерна концепция прекрасного, предложенная и развитая И. Кантом.

Как известно, он выделил четыре основные особенности красоты.

Рассматривая прекрасное со стороны качества, он отмечает, что красивый предмет вызывает удовольствие, свободное от всякого интереса: «суждение вкуса чисто созерцательно, то есть оно индифферентно по отношению к существованию предмета и связывает его свойства лишь чувством удовольствия и неудовольствия» [11, с. 77]. В этом высказывании, на наш взгляд, наиболее полно отражена непосредственная связь эстетического чувства с системообразующим фактором, то есть с гармоничностью существования человека как самоорганизующейся системы, с принципом наименьшего действия. Именно свобода от остальных потребностей позволяет выделить, выявить эстетическую потребность в «чистом» виде: «установить, кто обладает вкусом и кто им не обладает, можно только тогда, когда удовлетворена потребность» [11, с. 78].

Второй момент прекрасного у И. Канта связан с его количественной характеристикой и дополняет первый. «Прекрасное то, что нравится всем без понятия» [11, с. 87]. Здесь ключевые, существенные слова «всем» и «без понятия». Всеобщность эстетического, согласно И. Канту, основана отнюдь не на понятиях, выработанных логически. Напротив, она содержит не объективное, а субъективное количество суждения, что отражает значимость отношения представления не к познавательной способности, а к чувству удовольствия и неудовольствия для каждого субъекта. Иначе говоря, здесь нет связи эстетического чувства с понятием об объекте. Это непосредственное отношение, так сказать, в «чистом» виде: «суждение вкуса содержит в себе эстетическое количество всеобщности, то есть значимости для каждого» [11, с. 83].

Но если нет связи чувства с логическим понятием о предмете, то на чем же основана эта всеобщность? Если следовать И. Канту, то этим основанием является душевное состояние, возникающее в результате свободной игры познавательных способностей, никак не ограниченных особыми правилами познания. «Душевное состояние в этом представлении должно быть состоянием, вызванным чувством свободной игры способностей представления при данном представлении для познания вообще» [11, с. 85]. Далее И. Кант делает такой вывод: «Это чисто субъективное (эстетическое) суждение о предмете или о представлении, посредством которого дан предмет, предшествует удовольствию от него и служит основанием этого удовольствия от гармонии познавательных способностей; на этой всеобщности субъективных условий суждения о предметах только и основана всеобщая субъективная значимость благорасположения, которое мы связываем с представлением о предмете, называемом нами прекрасным» [11, с. 86].

По сути И. Кант говорит о потенциальной возможности мозга гармонизировать поступающие стимулы и получении от этого удовольствия. Это основной закон восприятия, доказанный экспериментально. Здесь же очень ярко показана основа взаимосвязи эстетической и познавательной потребностей. В другом месте И. Кант отмечает существование взаимосвязи эстетической и познавательной потребностей: «вкус как субъективная способность суждения содержит принцип подведения <...> способности созерцаний или изображений (то есть воображения) способность давать понятия (то есть рассудок) в той мере, в какой первое в своей свободе согласуется со второй в ее закономерности» [11, с. 159]. Принцип вкуса, согласно И. Канту, есть субъективный принцип способности суждения вообще [11, с. 159]. А это согласование только и может произойти на основе общего закона работы нервной системы, то есть системообразующего фактора. Обе эти потребности есть выражение, отражение потребности мозга в гармоничном функционировании.

Согласно третьему аспекту кантовой концепции прекрасного, красота есть форма целесообразности предмета, воспринимаемая в нем без представления о цели [11, с. 105]. Представление о цели исключается, так как, согласно определению красоты, она не связана с понятиями, однако только изначальное соответствие формы содержанию и вызывает эстетическое чувство. Принцип идеальности целесообразности в красоте природы лежит в основе самого эстетического суждения [11, с. 224]. Кроме того, и сознание чисто формальной целесообразности в игре познавательных способностей субъекта при представлении, посредством которого дается предмет, само есть удовольствие [11, с. 90].

В четвертом аспекте всеобщее прекрасного (как свободная игра познавательных способностей, как их гармоническое соответствие) признается предметом необходимого благорасположения [11, с. 109]. Общее эстетическое чувство выступает как образец, как идеальная норма, что и отражает общую закономерность в работе мозга – стремление к максимальной устойчивости. Свобода воображения в суждении о прекрасном согласуется с закономерностью рассудка [11, с. 228]. Но основание взаимосвязи эстетического и рассудочного служит у И. Канта основанием и нравственного, так как идеалом красоты является сам человек.

Красота выступает для И. Канта символом нравственности: «Прекрасное есть символ нравственно доброго; и только поэтому (потому, что такое отношение естественно для каждого, и каждый человек ждет этого как исполнения долга от другого) оно нравится и притягивает на согласие другого; при этом душа осознает известное облагораживание и возвышение над простой восприимчивостью удовольствия от чувственных впечатлений и судит о достоинстве других по сходной максиме своей способности суждения. Это и есть то умопостигаемое, к которому стремится вкус <...> именно то, для чего согласуются наши высшие познавательные способности и без чего между их природой и притязаниями вкуса возникали бы сплошные противоречия» [11, с. 228]. В этом развернутом высказывании отражено единство эстетической, познавательной и нравственной потребностей, основанное на главном законе функционирования мозга – стремлении к максимальной устойчивости через максимальное упорядочение информации [10]. Эстетическая потребность включает в себя познавательную и нравственную как их идеальное выражение, поскольку именно она является их ядром. Отмечая, что для прекрасного искусства требуется воображение, рассудок, дух и вкус, И. Кант пишет, что «три первые способности объединяются четвертой» [11, с. 194].

В целом же теоретический анализ, осуществленный И. Кантом, не только свидетельствует о теснейшей взаимосвязи трех потребностей (эстетической, нравственной и познавательной), но и подтверждается современными системными исследованиями, а также теоретическими и экспериментальными работами в области психологии, психофизиологии и экспериментальной эстетики.

Идеология как содержательное единство политической теории, эстетики и нравственного идеала

Приведенные нами соображения могут быть эксплицированы на сферу идеологии. Благодаря влиянию марксистской традиции, мы привыкли рассматривать идеологию как разновидность «ложного сознания». «Идеология, – подчеркивал в этой связи Ф. Энгельс, – это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом» [15, с. 83]. Данная точка зрения сформировалась еще в тот период, когда Ф. Энгельс вместе с К. Марксом были заняты написанием «Немецкой идеологии» [14, с. 7–544].

Представление об идеологии как о «ложном сознании» работает во всех случаях, когда необходимо обесценить позиции политических оппонентов в публичной полемике. Однако оно плохо объясняет, почему же весь период с 1789 по 1991 г. представлял собой своеобразную «эпоху идеологий». Не будем забывать и о том, что К. Маркс создавал свои полемические работы отнюдь не для интеллектуальных упражнений кабинетных теоретиков, «культивирующих в себе ценностно-нейтральный объективно-отстраненный взгляд на социально влиятельные идеи» [23, с. 15]. Как раз наоборот: К. Маркс писал их для лидеров поднимающего голову пролетариата, который отождествлялся им со стратегическим субъектом развития.

Отказавшись рассматривать идеологию только лишь как модификацию «ложного сознания», мы предлагаем другой подход, суть которого заключается в том, что идеология – это система регулятивных и проектных идей о должной модели общества [27, с. 68]. С точки зрения эстетики идеология дает представление о том дизайне общества, который наиболее полно соотносится с социальным временем Модерна [3, 16, 25, 26]. С точки зрения

гносеологии идеологии – «это формы политической мысли, которые дают прямой доступ к пониманию формирования и характера политической теории, ее богатства, разнообразия и тонкости» [32, с. 3]. С точки зрения нравственного идеала идеологии формируют представления о том, что является общественным благом. Или, как писал А.М. Горький: «Жизнь людей будет справедлива лишь тогда, когда ее насытит красота» [8, с. 252].

Один из основных принципов синергетики заключается в том, что все новое возникает в процессе развития неустойчивых состояний. Творческая деятельность человека, его способность создавать новое, «происходит только тогда, когда мозг находится в неустойчивом, критическом состоянии» [10, с. 102]. Мы исходим из того, что идеология оказалась востребованной только тогда, когда многим мыслящим людям стало очевидно, что «разлажен жизни ход, и в этом ад» [28, с. 154]. Вследствие чего возникла острая необходимость реагировать на происходящие в обществе перемены. Долгое время в этом не было никакой необходимости, поскольку перемены не разрывали «цепь времен» и осуществлялись практически незаметно. Поэтому на протяжении значительной части человеческой истории реальность бытия отражалась в мифе [21, 30].

Миф – это иносказание, рассказ о чем-то, что как-то соотносится с реальностью, но не тождественно ей. Миф ориентирует нас на некую цикличность, для которой время не имеет принципиального значения. Мифы о происхождении, героях и богах суть фиксация такого состояния, которое повторяется бесконечное множество раз. Воспроизводство одного и того же сюжета с некоторыми вариациями и отвлечениями – это и есть сущность мифа. «Миф говорит только о произошедшем *реально*, о том, что себя в полной мере проявило» [30, с. 16]. И в этом смысле миф – это основа исторической памяти, ядро культуры, мыслительно-идеальная форма, которая фиксирует человеческий опыт в его завершенности. «Некоторые аспекты и функции мифологического мышления образуют важную составляющую самого человеческого существа», – совершенно справедливо отмечает М. Элиаде [30, с. 180]. Жить мифами можно там и тогда, где все происходит стабильно, зиму сменяет весна, осень – лето, и люди не особенно задумываются о времени и своем отношении к нему [21]. Стабильность, порядок, устойчивость и цикличность – вот что характеризует миф и делает его неустраняемым компонентом человеческого бытия. Миф – это царство необходимости, в котором у человека нет свободы выбора, и все движется по кругу.

Совсем иное дело – идеология [31, 32]. Она ни в коем случае не тождественна мифу, поскольку представляет собой совершенно другой тип отношения ко времени. Для идеологии время – это тот «стержень», на который «наназывается» ее содержание. Не круговорот или бесконечное повторение одного и того же, а «стрела времени», представление о необратимости исторических процессов, совпавшее с возникновением термодинамики [3, 16, 22] и возможности тех или иных субъектов оказывать влияние на перемены послужили главным импульсом появления идеологии [25–27]. Необратимые перемены стали наиболее значимым фактором общественной жизни. По большому счету, именно они «заставили людей, которые занимались производством и распространением политических смыслов, публично сформулировать свое отношение к происходящим в обществе изменениям. Тогда же встал вопрос и о *субъекте стратегического действия*, способном эти перемены возглавить и осуществить на благо всего общества, а не каких-либо отдельных его сегментов» [25, с. 80]. Ситуация осложнялась тем, что произошел грандиозный раскол на «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов», что отнюдь не способствовало преодолению социального ада.

Возникли три ответа на вопрос об отношении к изменениям и их основном субъекте.

Консерватизм видел в изменениях зло. Многие консерваторы настаивали на том, что прошлое лучше настоящего. По их мнению, аристократия – это главный субъект, который должен контролировать общество и все происходящие в нем перемены. Консерваторы держались «за традицию и прошлое как за фетиши, с помощью которых можно заклинать будущее» [1, с. 223]. Отсюда – не только идеализация прошлого, но и стратегия укрепления социального порядка, при котором знать продолжала сохранять свое господство в сферах материального и особенно духовного производства за счет выработки и трансляции базовых представлений о том, что составляет суть прекрасного.

По-иному смотрели на это либералы. Они полагали, что перемены – это благо. И хорошо, если они происходят эволюционно, без эксцессов и срывов, под контролем буржуазии, которая только и может продвигать свободу и прогресс, вовлекая в эти процессы остальных людей. Либералы исходили из того, что «общая свобода всех прав, всех интересов и мнений, свободное развитие всех влияний и законное, совместное существование их – вот единственная система, при которой всякая сила, всякая власть может быть заключена в законных пределах» [6, с. 329]. При этом буржуазия воспроизводила тот стиль поведения и представления о прекрасном, которые были характерны именно для аристократии.

Наконец, социалисты / коммунисты. По их мнению, перемены идут слишком медленно и ведут человечество совсем не туда. Не к возникновению общества всеобщей гармонии, а к зооциуму, в котором идет всеобщая война всех против всех, где все человеческое топится в «ледяной воде эгоистического расчета» [13, с. 426]. «Будущее виделось как романтическая борьба на баррикадах, движение революционных колон, дым сражений, а затем результат – свободное общение свободных людей» [29, с. 711]. Отсюда же – их мысль о том, что нужно не только ускорить перемены, но и изменить их вектор, обратив внимание на человека и всестороннее развитие его высших творческих способностей. Социалисты не отрицали ценностей аристократического образования и воспитания, но хотели сделать их всеобщими.

Заключение

Подводя общий итог наших размышлений, сформулируем основные выводы данной статьи, которые имеют определенную новизну и теоретическую ценность.

1. Даже весьма далекая от естественных систем духовная сфера человека имеет те же общесистемные закономерности, что вселяет определенную надежду на более глубокое понимание сущности человека в единстве всех его био-психо-социальных и культурных измерений.

2. Человек является единственным существом на земле, которое «питается» смыслами и реализует их в процессе своей деятельности. Наивысшим проявлением человеческой деятельности является творчество – созидание нового, уникального, неведомого. В ходе целенаправленной деятельности человек не только успешно преодолевает естественные ограничения биологического, психического и социального порядков, но и наиболее полно раскрывает свой творческий потенциал, свое историческое предназначение, свои потребности в обретении красоты, познании и преобразовании окружающего мира, создании индивидуального и общественного блага.

3. Эстетическая потребность (непреодолимое стремление человека к прекрасному) интегрирована в нравственную и познавательную потребности как их идеальное выражение. В этом специфика эстетической потребности, ее универсальная природа, которую следует учитывать при изучении не только феномена идеологии, но и всей сферы духовного производства и идеального в целом. При этом жажда смысла присуща человеку ничуть не в меньшей степени, чем жажда хлеба. Отсюда – необходимость идеологии как системы регулятивных и проектных идей о должной модели общества, воплощающей конкурирующие версии политической теории, наилучшего социального дизайна, а также представлений об общественном благе.

Список литературы

References

1. Арндт Х. О революции / пер. с англ. – М.: Европа, 2011. – 464 с.
Arendt H. On Revolution / Russian trans. – Moscow: Europe, 2011. – 464 p.
2. Бак П. Как работает природа: Теория самоорганизованной критичности / пер. с англ. – М.: УРСС: ЛИБРОКОМ, 2013. – 278 с.
Buck P. How nature works: Theory of self-organized criticality / Russian trans. – Moscow: URSS: LIBROKOM, 2013. – 278 p.

3. Белоненко Е.О., Римский В.П. Время в самоидентификации модерна // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Философия. Социология. Право. – 2015. № 2 (199). Вып. 31. – С. 65–80.

Belonenko EO, Rimsky VP Time in self-identification of modernity // Scientific bulletins of the Belgorod State University. – Series: Philosophy. Sociology. Law. – 2015. No. 2 (199). Issue. 31. – P. 65–80.

4. Галеев Б.М. Человек, искусство, техника: Проблема синестезии в искусстве. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1987. – 263 с.

Galeev B.M. Man, art, technique: The problem of synaesthesia in art. – Kazan: Publishing house of the Kazan University, 1987. – 263 p.

5. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. – М.: Искусство, 1968. – Т. 1. – XVI, 312 с.

Hegel G.V.F. Aesthetics. – Moscow: Art, 1968. – T. 1. – XVI, 312 p.

6. Гизо Ф. История цивилизации в Европе / пер. с фр. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007. – 336 с.

Guizo F. The history of civilization in Europe / Russian trans. – Moscow: Publishing house "Territory of the Future", 2007. – 336 p.

7. Голицын Г.А. Информация и законы эстетического восприятия // Число и мысль. – М.: Знание, 1980. – Вып. 3. – С. 44–69.

Golitsyn G.A. Information and the laws of aesthetic perception // Chislo and thought. – Moscow: Knowledge, 1980. – Issue. 3. – P. 44–69.

8. Горький М. Об Анатоле Франсе // Собр. соч. в 30-ти т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. – Т. 24: Статьи, речи, приветствия. 1907–1928. – С. 249–254.

Gorky M. About Anatole France // Collected. op. in 30 tons. – Moscow: State Publishing House of Fiction, 1953. – T. 24: Articles, speeches, greetings. 1907–1928. – P. 249–254.

9. Еремеев А.Ф. Границы искусства. – М.: Искусство, 1987. – 319 с.

Eremeev A.F. The boundaries of art. – Moscow: Art, 1987. – 319 p.

10. Евин И.А. Искусство и синергетика. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 164 с.

Evin I.A. Art and synergetics. – Moscow: Editorial URSS, 2004. – 164 p.

11. Кант И. Критика способности суждения / пер. с нем. – М.: Искусство, 1994. – 367 с.

Kant I. Criticism of the ability of judgment / Russian trans. – Moscow: Art, 1994. – 367 p.

12. Кольцова М.М. Обобщение как функция мозга. – Л.: Наука, 1967. – 182 с.

Koltsova M.M. Generalization as a function of the brain. – Leningrad: Science, 1967. – 182 p.

13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 3. – XII, 630 с.

Marx K., Engels F. Works. – 2 ed. – Moscow: Gospolitizdat, 1955. – T. 3. – XII, 630 p.

14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 4. – М.: Госполитиздат, 1955. – XIV, 616 с.

Marx K., Engels F. Works. – 2 ed. – T. 4. – Moscow: Gospolitizdat, 1955. – XIV, 616 p.

15. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 39. – М.: Изд-во полит. лит., 1966. – XXII, 713 с.

Marx K., Engels F. Works. – 2 ed. – T. 39. – Moscow: Publ. Polit. lit., 1966. – XXII, 713 p.

16. Мельник Ю.М., Римский В.П. Время жить и время созерцать... Экзистенциальные смыслы и философское понимание времени в классической европейской культуре. – СПб.: Алетейя, 2013. – 184 с.

Melnik Y.M., Rimsky V.P. Time to live and time to behold ... Existential meanings and philosophical understanding of time in classical European culture. – St. Petersburg: Aleteya, 2013. – 184 p.

17. Мигдал А.Б. Физика и философия // Вопросы философии. – 1990. – № 1. – С. 5–32.

Migdal A.B. Physics and Philosophy // Issues of Philosophy. – 1990. – No. 1. – P. 5–32.

18. Поддубный Н.В. Синергетика: диалектика самоорганизующихся систем: Онтол. и гносеол. аспекты. – Ростов н/Д; Белгород: Изд-во БГУ, 1999. – 351 с.

Poddubny N.V. Synergetics: dialectics of self-organizing systems: Ontol. and gnoseol. aspects. – Rostov on Don; Belgorod: Publishing house of the Belarusian State University, 1999. – 351 p.

19. Поддубный Н.В., Трунов А.А. Философские смыслы классического гуманитарного образования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Философия. Социология. Право. – 2016. – № 24 (245). Вып. 38. – С. 26–37.

Poddubny N.V., Trunov A.A. Philosophical meanings of classical humanities education // Scientific bulletins of the Belgorod State University. – Series: Philosophy. Sociology. Law. – 2016. – No. 24 (245). Issue. 38. – P. 26–37.

20. Пуанкаре А. О науке / пер. с франц. – 2-е изд. – М.: Наука, 1990. – 736 с.

Poincare A. About Science / Russian trans. – 2 ed. – Moscow: Nauka, 1990. – 736 p.

21. Римский В.П. Миф и религия: К проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород: Крестьянское дело, 2003. – 184 с.
Rimsky V.P. Myth and religion: To the problem of the cultural and historical specifics of archaic religions. – Belgorod: Peasant business, 2003. – 184 p.
22. Римский В.П., Трунов А.А. Мифология модерна и постмодерна в контексте христианского толкования истории // De die in diem: Памяти А.П. Пронштейна (1919–1998) / Отв. ред. А.В. Лубский, В.В. Черноус. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. – С. 93–108.
Rimsky V.P., Trunov A.A. The mythology of modernity and postmodernity in the context of the Christian interpretation of history // De die in diem: In memory of A.P. Pronshtein (1919–1998) / Otv. ed. A.V. Lubsky, V.V. Chernous. – Rostov on Don: Publishing House of the SKNC VS, 2004. – P. 93–108.
23. Соловьев Э.Ю. Философия как критика идеологии. Часть II // Философский журнал. – 2017. – Т. 10. № 3. – С. 5–31.
Solovyov E.Yu. Philosophy as a criticism of ideology. Part II // Philosophical Journal. – 2017. – T. 10. № 3. – P. 5–31.
24. Столович Л.Н. Природа эстетической ценности. – М.: Политиздат, 1972. – 271 с.
Stolovich L.N. Nature of aesthetic value. – Moscow: Politizdat, 1972. – 271 p.
25. Трунов А.А. Великая французская революция и генезис классических идеологий модерна // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Философия. Социология. Право. – 2017. – № 17 (266). Вып. 41. – С. 78–89.
Trunov A.A. The Great French Revolution and the genesis of the Classical Modernist Ideologies // Scientific bulletins of the Belgorod State University. – Series: Philosophy. Sociology. Law. – 2017. – No. 17 (266). Issue. 41. – P. 78–89.
26. Трунов А.А. Генезис тримодальной идеологии сквозь призму социального времени модерна // Наука. Искусство. Культура: Научный рецензируемый журнал. – 2017. – № 4 (16). – С. 92–100.
Trunov A.A. Genesis of the tri-modal ideology through the prism of the modern social time // Science. Art. Culture: Scientific peer-reviewed journal. – 2017. – No. 4 (16). – P. 92–100.
27. Трунов А.А. Как идеи модерна становятся идеологией? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Философия. Социология. Право. – 2017. – № 3 (252). Вып. 39. – С. 62–70.
Trunov A.A. How ideas of Modernity have become ideology? // Scientific bulletins of the Belgorod State University. – Series: Philosophy. Sociology. Law. – 2017. – No. 3 (252). Issue. 39. – P. 62–70.
28. Шекспир У. Трагедии. Сонеты / пер. с англ. — М.: Художественная литература, 1968. — 792 с.
Shakespeare W. Tragedy. Sonnets / Russian trans. — Moscow: Fiction, 1968. — 792 p.
29. Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. – М.: Новое лит. обозрение, 2007. – 744 с.
Shubin A.V. Socialism. "The Golden Age" of the theory. – Moscow: New literary review, 2007. – 744 p.
30. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. – 4-е изд. – М.: Академический Проект, 2010. – 251 с.
Eliade M. Aspects of the myth / Russian trans. – 4 ed. – Moscow: Academic Project, 2010. – 251 p.
31. Eagleton Terry. Ideology: An Introduction. – London: New York: Verso, 1991. – 258 p.
Eagleton Terry. Ideology: An Introduction. – London: New York: Verso, 1991. – 258 p.
32. Freeden M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 603 p.
Freeden M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 603 p.